

Елена К.

**Любишь кататься — люби
и катайся: весёлые и
мудрые сказки про путь!**

Елена К.

**Любишь кататься — люби
и катайся: весёлые и
мудрые сказки про путь!**

«Автор»

2026

К. Е.

Любишь кататься — люби и катайся: весёлые и мудрые сказки про путь! / Е. К. — «Автор», 2026

Сборник литературных сказок с духом славянских преданий. Прекрасно подходит и для взрослого чтения. Мальчик Тима вместе с Садко, Чудюдо, Волшебной Щукой и другими героями проходит разные испытания: учится не бояться быть непохожим на других, ценить путь, а не только результат, и делать первый шаг, даже если страшно. В каждой истории — своя народная мудрость, рассказанная по новому: Не жили богато — а ты начни, Любишь кататься — люби и катайся и другие. Сказки мягко учат смелости, терпению и доброте, пробуждая в ребёнке желание пробовать, ошибаться и снова пробовать — ведь именно так рождаются настоящие чудеса. Истории прекрасно подойдут для семейного чтения с обсуждением. Добрые приключения, понятные уроки и уютный славянский колорит делают сборник отличным спутником на каждый день.

© К. Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Как все собираются вместе.	5
Глава вторая. Три истории одной ночи	9
Глава 3. Город просыпается: маленькие чудеса большого дня	14
Глава 4. Записки кота-библиотекаря (в которых почти нет слов)	19
Глава 5. Сны, которые ещё никому не снились	22
Глава 6. Как кот-библиотекарь нашёл книгу, которая сама начала рассказывать истории	25
Глава 7. День, который Зайчик разложил по спичкам	28
Глава 8. Как мадам Люсиль поймала забытую мечту — и как мир на мгновение перестал притворяться обычным	31
Глава 9. Дело об исчезнувшем снеге, или Как господин Ардашев слушал тишину	35
Глава 10. Как Дым понял, что его чешуя начала показывать завтра	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Елена К.

Любишь кататься — люби и катайся: весёлые и мудрые сказки про путь!

Глава 1. Как все собираются вместе.

Расследование заходит в тупик: узоры из спичек, которые раскладывает Зайчик, складываются в карту подземных ходов, но вход в них запечатан «словом, которое никто не проносит». Аглая вспоминает, что такое слово хранится в архиве — и они идут к Тихону. Тот не даёт слово сразу, а требует «плату памятью»: каждый должен вспомнить и отдать ему одно своё забытое Рождество. Эраст Владимирович вспоминает запах воска и скрип снега; Аглая — как она впервые поняла, что может «слышать» старые вещи; Зайчик (удивительно) тоже что-то «вспоминает» и замирает, будто внутри него щёлкают шестерёнки.

Тихон кивает и протягивает пожелтевший листок с одним-единственным словом. Но как только его произносят, срабатывает ловушка: в архив врывается господин Крам с отрядом инспекторов. Он уверен, что команда готовит «несанкционированное чудо», и требует остановить расследование.

Тут появляется капитан Иона: его наблюдательная станция засекала резкий скачок «пустоты» в районе старых катакомб. Он предлагает срочную эвакуацию — но не ради спасения, а чтобы успеть туда первыми. Мадам Люсиль рисует на стене коридора «дверь из оттенка», которой не было раньше. Профессор Одоевцев бормочет формулу, которая звучит как заклинание. Сима ставит пробирки вдоль трещины в полу: зелёная плесень начинает светиться — значит, здесь кто-то сильно завидовал чуду и хотел его уничтожить.

И только бабушка Марфа спокойно сидит на ступеньке и говорит: «Чтобы вернуть Рождество, не надо ломать стены. Надо вспомнить, кому ты когда-то обещал быть рядом. И сказать это вслух».

В тесном коридоре катакомб все говорили одновременно, и от этого тишина казалась ещё гуще.

— Тише! — рявкнул капитан Иона, стукнув кулаком по стене. — Если реальность треснет, она сделает это сейчас.

— Она уже треснула, — прошептала Аглая, глядя на ампулу в своих руках: внутри дым кружился не по кругу, а по спирали, которой не бывает в природе. — Мы идём по шву.

Зайчик замер, подняв лапу. На полу перед ним спички сложились в слово, которого не было в языках людей.

— Это не слово, — пробормотал профессор Одоевцев, наклоняясь так низко, что его очки чуть не коснулись спичек. — Это уравнение. Оно просит... согласия.

Господин Крам поправил мундир и сделал шаг вперёд.

— Я не позволю использовать запрещённые методы. У нас есть протокол для аномалий. Эраст Владимирович посмотрел на него спокойно, но твёрдо.

— Протокол не вернёт людям ощущение чуда. А мы должны это сделать. Сима подняла пробирку с серой плесенью.

— Здесь было много тоски. Кто-то очень не хотел, чтобы Рождество наступило.

Кот-библиотекарь спрыгнул с полки и ткнулся носом в ботинок Эраста Владимировича. Потом медленно пошёл вперёд, не оглядываясь.

— Он знает дорогу, — кивнула бабушка Марфа. — Идите за ним. А я скажу то, что должна была сказать ещё тридцать лет назад.

Она закрыла глаза и тихо произнесла:

— Прости меня, дочка. Я не пришла на твоё Рождество, потому что думала, что ты уже взрослая. Но ты всё ещё ждала.

В тот же миг серая плесень в пробирке вспыхнула тёплым светом, а спираль в ампуле распрямилась в прямую линию — как путь, который наконец-то стал возможным.

Коридор вёл вниз, туда, где воздух становился гуще, будто его можно было резать ножом. Кот-библиотекарь шёл впереди, не оглядываясь, и каждый его шаг звучал странно чётко — словно ставил точку в длинной фразе. За ним, прижавшись к стенам, двигались остальные.

— Здесь «тонкое место», — прошептал Тихон, водя пальцем по сырому камню. На нём проступали не трещины, а строчки, будто кто-то выдавливал слова прямо в камне. — В этом квартале раньше стояла часовня. Её разобрали, но камни помнят.

— Помнят что? — спросила Сима, держа пробирку с серой плесенью. Та пульсировала тусклым светом, как слабое сердце.

— Обещания, — тихо сказала бабушка Марфа. — Люди приходили сюда перед Рождеством и давали слово: быть добрее, не злиться, навестить родных. А потом перестали приходить. И обещания остались тут, под землёй, без адресата. Они не исчезают. Просто становятся тяжелее.

Господин Крам фыркнул, поправляя мундир:

— Это метафизика. А у нас есть инструкция: при обнаружении аномальной зоны — оцепить и ждать специалистов.

Эраст Владимирович остановился и посмотрел на него спокойно, но так, что Крам невольно сделал полшага назад.

— Инструкция не знает, что делать с забытыми обещаниями. А они сейчас — главная улика.

Впереди проход сузился до щели. Мадам Люсиль достала из сумки маленький пузырёк с густой, почти чёрной краской.

— Сейчас будет фокус, — сказала она, и в её голосе не было ни капли веселья.

Она провела кистью по каменной стене, и там, где краска коснулась камня, проявился проём — не настоящий, а из оттенков: тёмно-синий, как небо перед рассветом, и тёплый коричневый, как старая деревянная дверь. Проём дрожал, будто ему было холодно.

— Проходите, — кивнула Люсиль. — Но помните: в такие двери нельзя входить с закрытыми глазами. Иначе выйдете не там, где вошли.

Первым шагнул Эраст Владимирович. На миг его силуэт расплылся, как отражение в воде, а потом снова стал чётким. За ним — Аглая, Зайчик, который вдруг замер, будто прислушиваясь к чему-то внутри себя.

Когда все оказались по ту сторону, дверь из краски тихо погасла, оставив после себя только запах свежей акварели и влажной земли.

Они вышли в круглую комнату без потолка — над ними висело не небо, а что-то вроде тёмного бархата, усеянного не звёздами, а крошечными огоньками, похожими на искры от спичек. В центре комнаты стоял стеклянный куб, внутри которого висела одна-единственная искра. Она не горела, а мерцала — то ярче, то тише, как будто прислушивалась к их дыханию.

— Это оно, — прошептала Аглая. — Сердце Рождества. Не символ. Не метафора. Физический объект, который удерживает в себе возможность чуда.

Профессор Одоевцев наклонился, не касаясь куба, и забормотал:

— Квантовая когерентность... стабилизирована резонансом эмоций. Видите, как искра реагирует на интонации? Она «слышит» нас. Если мы будем кричать или спорить, она погаснет от перегрузки.

Зайчик тихо щёлкнул металлическими суставами и подкатился к кубу. На его боку загорелся маленький экран, и на нём появилась строка: WARNING: EMOTIONAL NOISE LEVEL HIGH. Он поднял лапу и аккуратно выстроил перед кубом ряд спичек — не как попало, а по возрастанию длины, как ноты на нотном стане.

— Он строит фильтр, — кивнул Одоевцев. — Гениально. Спички здесь — это не топливо. Это резонаторы. Каждая длина отзывается на определённый диапазон чувств.

Сима поставила пробирки вокруг куба. Розовая плесень засветилась, серая потемнела, зелёная замерцала тревожно.

— Кто-то очень сильно не хотел, чтобы Рождество наступило, — проговорила Сима. — Здесь столько зависти и обиды, что искра задыхается.

Капитан Иона, до этого молчавший, шагнул вперёд:

— Я видел это в небесах. Три ночи подряд звёзды складывались в узор, которого не должно быть. Как будто кто-то пытался «переписать» небо. Теперь понимаю: он пытался заглушить эту искру шумом.

— «Он»? — переспросил Эраст Владимирович.

И тут из темноты выступил человек — не призрак, не тень, а вполне живой, в старом пальто и с руками, перепачканными чернилами.

— Да, «он», — сказал незнакомец. — Меня зовут Вениамин. Я был хранителем этого места, пока не решил, что чудо — это несправедливость.

Он посмотрел на искру, и в его глазах мелькнуло что-то такое, что заставило даже господина Крама замолчать.

— Каждый год люди загадывают желания, верят в чудо, а потом забывают. А я помнил. Я собирал их несбывшиеся надежды, как камни. И однажды понял: если искра погаснет, никто не будет разочаровываться. Никто не будет ждать и не дождутся. Это казалось милосердием.

Бабушка Марфа медленно подошла к нему. Не как к преступнику, а как к старому знакомому.

— Ты хотел защитить людей от боли, — сказала она мягко. — Но ты забрал у них право надеяться. А надежда — она как дыхание: пока дышишь, есть шанс.

Вениамин сжал кулаки, потом разжал их.

— Я не знал, как всё исправить. Поэтому просто прятал искру всё глубже.

Аглая посмотрела на Эраста Владимировича. Он едва заметно кивнул.

— Тогда давайте не обвинять, — сказала Аглая Вениамину. — Давайте поможем зажечь её снова. Но для этого нужно не волшебство. Нужно одно настоящее, не забытое обещание.

Тишина стала такой плотной, что казалось, её можно потрогать.

И тогда бабушка Марфа снова заговорила — на этот раз не для Вениамина, а для всех:

— Тридцать лет назад я не пришла на Рождество к своей дочери. Сказала, что дела, что устала. А она ждала. И с тех пор я каждый год обещала себе: «В следующем году обязательно». Но так и не пришла. А теперь её уже нет.

Её голос дрогнул, но не сломался.

— Так вот, я обещаю сейчас. Не ей — потому что её нет. А всем, кто когда-то ждал и не дождался. Я обещаю: если у меня будет шанс, я приду. Я скажу «прости» и «я здесь».

В тот же миг розовая плесень в пробирке Симы вспыхнула, как маленький фейерверк. Спички, выложенные Зайчиком, тихо зазвенели, будто струны. Искра в кубе дрогнула — и вдруг загорелась ровно, спокойно, как огонёк на праздничной свече.

Куб растаял в воздухе, как лёд в тёплой воде, а искра поднялась и разделилась на тысячи крошечных огоньков. Они поплыли вверх, сквозь темноту, и растворились в бархатном небе, превращаясь в звёзды.

Когда они выбрались на поверхность, город был другим. Снег падал не бесшумно, а с лёгким шорохом, будто шептал что-то хорошее. В окнах загорались огни, на углах кто-то уже ставил ёлки, а в воздухе пахло мандаринами и горячим чаем.

Господин Крам стоял, глядя на всё это, и его строгое лицо вдруг стало чуть мягче.

— Это... не вписывается в отчёт, — пробормотал он.

Эраст Владимирович улыбнулся — редко, но искренне.

— Иногда лучшее, что можно написать в отчёте, — это: «Чудо состоялось».

Мадам Люсиль смотрела на небо, будто пыталась запомнить этот оттенок синего.

— Теперь картины будут другими, — проговорила она тихо. — Теперь в них будет свет, который не гаснет.

А Зайчик, сидя на ступеньке, аккуратно сложил одну спичку рядом с другой и поднял глаза. На его экране загорелось: SYSTEM STATUS: CHRISTMAS RESTORED.

Дым, дремавший на краю площади, приоткрыл глаз, и в нём на мгновение отразились все они — вместе, живые, настоящие.

— Память помнит, — прошелестел он. — А теперь и будущее сможет надеяться.

Глава вторая. Три истории одной ночи

Вениамина не стали арестовывать. Господин Крам, который весь день искал, в какую графу вписать «похищенную искру», в конце концов махнул рукой и буркнул:

— Пусть сначала город перестанет светиться сам по себе, а потом будем составлять протокол.

Эраст Владимирович подошёл к Вениамину там, где тот стоял у фонарного столба, будто не зная, куда деть руки.

— Вы не злодей, — спокойно сказал Эраст Владимирович. — Вы просто слишком долго несли чужую боль. А она тяжелеет, если её не делить.

Вениамин горько усмехнулся:

— Я думал, что делаю доброе дело. Убираю ожидание, чтобы не было разочарования.

— Ожидание — это тоже чувство, — ответила подошедшая Аглая. — Оно не всегда про радость. Иногда про страх. Но если его вычеркнуть, остаётся пустота. А пустота не лечит.

Бабушка Марфа встала рядом и протянула ему тёплый, завернутый в бумагу пирожок.

— Возьми. И знаешь, что сделай? Пойди к тем, кому ты когда-то обещал «я скоро» или «я вернусь». Даже если они уже не ждут. Скажи просто: «Прости, я был неправ». Это не вернёт времени, но вернёт слово.

Вениамин взял пирожок, и пальцы у него дрогнули.

— А если никто не простит?

— Тогда ты всё равно скажешь правду. А правда — она как окно: даже если за ним темно, ты видишь дальше, чем в комнате без окон.

Он кивнул, посмотрел на город, где в каждом окне теперь горел свет, и пошёл прочь — не как преступник, а как человек, у которого снова есть дорога.

Пока остальные говорили с Вениамином, Зайчик тихонько укатился в сторону и замер у старой чугунной решётки, откуда тянуло сквозняком. На его экране мигала строка: MEMORY BLOCK DETECTED.

Сима присела рядом, держа пробирку с розовой плесенью — она мягко светилась, будто улыбалась.

— Ты что-то вспомнил, да? — тихо спросила она.

Зайчик медленно повернул голову — так, как не умеют обычные механизмы. Его глаз-лампочки мигнули, и из маленького динамика прозвучал не машинный голос, а чей-то очень далёкий, почти стёршийся шёпот: «Не забывай».

— Это не твой голос, — прошептала Сима. — Это чей-то ещё.

Зайчик протянул лапу и аккуратно выстроил на решётке три спички: короткую, длинную, снова короткую. Морзянка. И это означало одно слово: «Мама».

Сима села прямо на холодный камень, не замечая сырости.

— Кто-то когда-то собирал тебя и шептал это слово, пока стучали молоточки. И ты сохранил его. Не как данные. Как чувство.

Зайчик наклонил голову, будто прислушивался к себе изнутри. На экране появилась новая надпись: EMOTIONAL DATA INTEGRATED. И тогда он впервые сделал то, чего не делал никогда: не щёлкнул суставами, не построил узор, а просто прижался боком к Симе — неуклюже, по-заячьи.

Она обняла его — металлического, холодного, но такого настоящего.

— Теперь ты не один, — сказала она. — И ты можешь помнить.

Снег к полуночи стал крупнее, хлопья падали медленно, будто хотели дать каждому успеть загадать желание. На главной площади капитан Иона с командой спустили с дирижабля «Полярная искра» длинную гирлянду из стеклянных колб, наполненных светом — не электрическим, а каким-то особенным: тёплым, живым.

Мадам Люсиль стояла рядом и добавляла к гирлянде мазки краски прямо по стеклу. И от этого свет внутри колб менял цвет: становился янтарным, как чай в любимой кружке, или золотистым, как смех, который вдруг вырывается сам собой.

Профессор Одоевцев, стоя на ящике, чтобы его было видно, поднял руку и провозгласил:

— Сегодня мы не будем измерять чудо. Сегодня мы будем его беречь. Потому что чудо — это не нарушение законов природы. Это момент, когда все законы складываются в одну красивую фразу: «Ты не один».

Архивариус Тихон ходил между людьми и раздавал маленькие карточки с забытыми словами: «спасибо», «прости», «я рад тебя видеть». Он шептал:

— Эти слова лежали в архивах, потому что их не произносили. Заберите их. Скажите вслух. Пусть они снова работают.

Кот-библиотекарь устроился на самом видном месте — на перилах у ёлки — и время от времени спрыгивал, чтобы подтолкнуть носом кого-нибудь к тому, с кем давно не говорили. И люди вдруг оборачивались, узнавали, улыбались, начинали разговор с самого простого: «А ты как?»

А Эраст Владимирович стоял чуть в стороне, наблюдая, как город, ещё недавно серый и тихий, снова учится дышать. К нему подошла Аглая.

— Получилось, — сказала она, кутаясь в шарф. — Мы вернули Рождество.

Он чуть улыбнулся:

— Мы не вернули. Мы помогли ему снова стать возможным. А это даже важнее.

Над площадью поплыл колокольный звон — не громкий, не торжественный, а мягкий, будто пробующий звук на вкус. И в этот миг все почувствовали одно и то же: что впереди есть что-то хорошее. Не обязательно большое. Просто хорошее.

Дым, который всё это время дремал в тени, приоткрыл глаз, и в нём отразилась вся площадь: люди, огоньки, падающий снег, смех, слёзы, обещания, которые наконец-то произнесли.

— Память помнит всё, — прошелестел он. — Но теперь у будущего есть надежда.

И когда город заснул, уставший и счастливый, Зайчик сидел на подоконнике, Сима — рядом, завернувшись в плед, а на столе перед ними лежала одна-единственная спичка. Не для того, чтобы зажечь. А чтобы помнить: иногда самая маленькая искра может осветить целый мир.

SYSTEM STATUS: CHRISTMAS RESTORED. MEMORY PROTECTED. EMOTIONAL BACKUP SUCCESSFUL.

Глава четвёртая. Утро после чуда: отчёт, память и запах горячего хлеба

Утро пришло не как обычно — не с резким светом и не с криком петухов, а мягко, будто город боялся спугнуть то, что наконец-то вернулось. Снег, выпавший за ночь, лежал на крышах

плотным, пушистым слоем, и от него не веяло холодом, а, наоборот, какой-то уютной тишиной. В воздухе пахло горячим хлебом, дымом из труб и чем-то ещё — неуловимым, но очень важным: ощущением, что день будет добрым.

Эраст Владимирович Трефлев проснулся рано, как всегда. Он не любил терять первые минуты дня: именно в них, по его мнению, мир был честнее всего. Он надел строгий сюртук, проверил, ровно ли лежит узел галстука, и сел за стол, чтобы написать отчёт для господина Крама.

Это была непростая задача. Как описать в официальном документе искру, которая жила в стеклянном кубе? Как объяснить, что чудо — это не сбой системы, а её самая тонкая настройка?

Он взял перо, обмакнул его в чернила и начал:

«Господину Краму, начальнику Департамента по контролю за чудесами.

Докладываю о событиях ночи с 24 на 25 декабря.

В ходе расследования установлено: аномалия, проявившаяся в виде исчезновения «ощущения праздника», была вызвана нарушением квантовой когерентности в локальных эмоциональных полях. Источник нарушения — подавление резонансных частот, отвечающих за ожидание и надежду.

Восстановление баланса достигнуто путём синхронизации эмоциональных данных с физическими маркерами (спички как резонаторы длины волны), а также за счёт вербализации забытых обещаний, хранившихся в «тонких местах» города.

Особую роль в стабилизации поля сыграл объект, условно именуемый „Сердцем Рождества“ — квантовый стабилизатор, чувствительный к интонациям и намерениям.

Подозреваемый Вениамин не подлежит задержанию: его действия были мотивированы попыткой минимизировать коллективную боль, а не нанести ущерб. Рекомендовано наблюдение и психологическая поддержка.

Прилагаю список участников операции и их вклад в стабилизацию реальности.

С уважением,

Эраст Владимирович Трефлев».

Он перечитал написанное, чуть нахмурился, потом взял чистый лист и написал ещё одну строчку — уже не для отчёта, а для себя:

«Иногда самое точное описание чуда — это просто слова: „Сегодня люди снова улыбались друг другу“».

И подписал: «Это тоже правда. Пусть будет и это».

Господин Крам сидел в своём кабинете, где всё было расставлено по линейке: папки — по алфавиту, часы — по хронологии, а мысли — по категориям «допустимо» и «недопустимо». Когда он увидел отчёт Эраста Владимировича, его брови поползли вверх.

— «Квантовая когерентность эмоциональных полей»? — пробормотал он, постукивая пальцем по бумаге. — Это что, шутка?

Но потом он вспомнил ночь. Вспомнил, как стоял на площади и смотрел, как зажигаются огни. Как вдруг почувствовал, что ему хочется не составлять протокол, а просто постоять и

посмотреть на снег. И как кот-библиотекарь, проходя мимо, на секунду прижался к его ноге — и это было странно, но почему-то правильно.

Крам вздохнул, поставил на отчёте печать «Принято к сведению» и тихо добавил:

— Пусть будет. Хотя раз пусть будет не по инструкции.

Сима проснулась от того, что Зайчик тихонько щёлкал суставами у окна. Он смотрел на падающие снежинки и, казалось, пытался запомнить каждую.

— Ты чего не спишь? — спросила Сима, натягивая плед до подбородка.

Зайчик повернулся, и на его экране появилась надпись: I'M LEARNING TO REMEMBER.

— Ты и так всё помнишь, — улыбнулась Сима. — Ты же хранишь каждую спичку, каждый узор.

Он наклонил голову, будто подбирая слова, и снова вывел: BUT I WANT TO REMEMBER FEELINGS, NOT JUST DATA.

Сима села на кровати и посмотрела на него серьёзно, но ласково.

— Знаешь, чувства нельзя сохранить, как файлы. Они живут, пока ты их проживаешь. Но ты можешь помнить, как они звучали. Как пахли. Как ощущались на коже.

Она встала, подошла к шкафу и достала старую жестяную коробку. Внутри лежали засушенные лепестки, кусочек бечёвки, маленькая пуговица и... одна-единственная спичка, почти истлевшая.

— Это мои «памятки», — сказала она. — Когда мне грустно, я беру что-то из коробки и вспоминаю: вот этот лепесток — лето, когда мы с бабушкой собирали цветы; эта пуговица — день, когда я впервые надела лабораторный халат и поняла, что я настоящий учёный.

Зайчик медленно протянул лапу и осторожно коснулся спички. На экране вспыхнуло: MEMORY DETECTED: WARMTH.

— Да, — кивнула Сима. — Именно тепло. Не огонь. А то, что остаётся после него.

И тогда Зайчик подкатился к столу, взял одну из своих спичек — ту самую, из узора-морзянки — и положил её рядом с вещами Симы.

THIS IS MY MEMORY, — написали буквы на экране.

Сима улыбнулась и положила руку на его металлическую спину.

— Теперь у тебя есть своя коробка воспоминаний. И я помогу тебе её наполнить.

Дым не любил суету. Он предпочитал тишину, полумрак и старые книги, страницы которых пахли временем. Но в это утро он вдруг почувствовал странное беспокойство: ему хотелось не просто хранить прошлое, а увидеть, что будет дальше.

Он вышел на крышу, где ветер гулял между трубами, и поднял голову к небу. Его чешуя, миллионы крошечных зеркал, отражала не только облака, но и обрывки разговоров, смех, шаги, тени — всё, что город оставил позади.

Аглая нашла его там, закутанного в шарф (она знала, что даже драконы могут мёрзнуть).

— Ты грустишь? — тихо спросила она.

Дым медленно повернул голову, и в его глазах-зеркалах мелькнули не воспоминания, а... намёки на будущее: смутные, как тени на рассвете.

— Я вижу не то, что было, — прошелестел он. — Я вижу, что может быть. И это пугает. Память — она как книга: ты знаешь, чем она кончается. А будущее — это чистый лист. На нём можно написать всё, что угодно. Даже боль.

Аглая села рядом, не говоря ни слова, просто чтобы быть рядом.

— Но знаешь, что самое удивительное? — продолжил Дым. — Иногда на чистом листе появляется одно-единственное слово — и оно меняет всё. Например: «прости». Или «спасибо». Или «я здесь».

Аглая улыбнулась.

— Значит, будущее не такое уж и страшное. Ведь мы сами решаем, какие слова на нём написать.

Дым прикрыл глаза, и в одном из зеркал на его чешуе отразилась картинка: площадь через год, та же ёлка, те же огни, но теперь там стоят дети, которых ещё не было, и смеются, ловя снежинки ртом.

— Красиво, — прошептала Аглая.

— Да, — согласился Дым. — И это только начало.

Глава 3. Город просыпается: маленькие чудеса большого дня

На площади кипела жизнь. Капитан Иона с командой развешивал оставшиеся колбы-фонари, теперь уже не как часть операции, а как украшение. Профессор Одоевцев объяснял детям, как свет преломляется в стекле, и показывал, как один и тот же луч может быть и жёлтым, и розовым — всё зависит от того, под каким углом на него смотреть.

Мадам Люсиль рисовала прямо на снегу: не картины, а узоры, которые таяли через минуту, но успевали подарить кому-то улыбку. Архивариус Тихон раздавал карточки с забытыми словами, и люди брали их, читали, а потом шли искать тех, кому эти слова были нужны больше всего.

Бабушка Марфа стояла у лотка с пирожками и угощала всех подряд.

— Бери, милый, — говорила она каждому. — Сегодня день такой, что тепло надо раздавать, а не прятать.

Даже господин Крам, проходя мимо, не смог устоять и взял один пирожок. Откусил, поморщился от горячего, потом улыбнулся — впервые за много лет искренне.

— Вкусно, — буркнул он. — Спасибо.

Марфа кивнула, будто так и знала.

— Вот и славно. Значит, чудо работает.

К полудню все собрались у главной ёлки. Даже Вениамин пришёл — не прячась, не озираясь, а спокойно, с букетом сухих трав и цветов (он сказал, что это для тех, кто когда-то ждал).

Эраст Владимирович встал рядом с Аглаей, и они оба посмотрели на город: на дым из труб, на детей, катающихся с горки, на людей, которые наконец-то смотрели друг другу в глаза.

— Получилось, — тихо сказала Аглая.

— Не просто получилось, — ответил Эраст Владимирович. — Мы показали, что наука и чудо — не враги. Они как две стороны одной монеты: одна блестит, другая хранит тень. Но без обеих монета не звенит.

Вениамин подошёл к ним, держа в руках маленький свёрток.

— Я хотел бы... если позволите... помочь. Не прятать больше, а беречь. Я много лет собирал забытые слова. Может, они пригодятся?

Аглая взяла свёрток, развернула — внутри оказались пожелтевшие записки, обрывки писем, старые открытки.

— Это прекрасно, — сказала она. — Память должна жить.

Кот-библиотекарь прыгнул на скамейку рядом и громко мяукнул — будто подтвердил: «Да, это важно».

И тут Зайчик выкатился вперёд, остановился у подножия ёлки и выстроил на снегу узор из спичек. Не сложный, не загадочный — просто круг. А в центре положил ту самую спичку с морзянкой: «Мама».

На экране загорелось: TODAY WE REMEMBER. AND WE HOPE.

Снег продолжал падать. Колокола звонили не торжественно, а ласково, будто шептали: «Всё хорошо. Ты дома».

Дым, дремавший в тени, приоткрыл глаз, и в нём отразились все они — вместе, живые, настоящие.

— Память помнит всё, — прошелестел он. — А теперь и будущее знает: его ждут.

Так закончился этот необыкновенный день. Не с громом и фейерверками, а с тихим пониманием: чудо — это когда ты не один. Когда рядом есть тот, кто услышит твоё «прости», примет твоё «спасибо», обнимет, когда холодно, и просто посидит рядом, когда слова не нужны.

Город жил дальше. Но теперь в нём было чуть больше света, чуть больше тепла и чуть больше веры в то, что впереди — хорошее.

SYSTEM STATUS: CHRISTMAS RESTORED. MEMORY PROTECTED. EMOTIONAL BACKUP SUCCESSFUL. FUTURE: OPEN.

Прошло три недели с того Рождества, которое чуть не исчезло. Город жил, будто ничего и не случилось: снег таял, оставляя на мостовых тёмные полосы, витрины снова стали обычными витринами, а не порталами в чужие воспоминания. Но кое-что всё-таки осталось.

Например, Зайчик теперь иногда сам, без просьбы, выстраивал на подоконнике короткие узоры из спичек — не для расчётов, а просто чтобы «проверить, всё ли на месте». Дым стал чаще открывать глаза посреди дня и задумчиво смотреть на прохожих: будто пытался угадать, какие слова они так и не сказали. А господин Крам, к собственному удивлению, перестал требовать от всех отчётов с точностью до секунды.

И именно в этот спокойный, почти будничный день появилась новая тайна.

Всё началось с письма. Не на бумаге, а на пыльном стекле в лаборатории Аглаи. Кто-то провёл пальцем по слою пыли и вывел: «Она не должна была исчезнуть».

Аглая замерла, глядя на эти буквы. Пыль в её лаборатории не лежала просто так: это были собранные и просеянные частицы из «тонких мест» города, каждая — с собственной историей. И никто, кроме неё и Эраста Владимировича, не знал про лабораторию.

— Это не случайность, — тихо сказала Аглая, проводя пальцем по буквам. Они не размазались, будто были не на поверхности, а внутри самого слоя пыли.

В ту же минуту в дверь постучали. На пороге стоял Вениамин. Он выглядел иначе: не потерянным, а собранным, будто наконец нашёл себе дело. В руках он держал потрёпанную тетрадь в кожаном переплёте.

— Я нашёл это в старых архивах Тихона, — сказал он, протягивая тетрадь. — Там собраны упоминания о «чудесах», которые не случились. Не потому что их не хотели, а потому что... их будто вычеркнули. Как будто кто-то проходил по городу и гасил маленькие надежды, прежде чем они успевали стать желаниями.

Аглая открыла тетрадь. Страницы были исписаны мелким, почти неразборчивым почерком, а между строками — вклеены обрывки газет, билеты на поезд, сухие лепестки. И везде повторялась одна фраза: «Она не должна была исчезнуть».

— Кто «она»? — спросила Аглая.

Вениамин пожал плечами:

— Не знаю. Но я видел эту фразу ещё в одном месте. На стене в заброшенном депо. И там... там была тень.

— Тень? — переспросила Аглая. — Обычная тень?

— Нет. Она не двигалась. Когда я шагнул влево, она осталась на месте. Когда вправо — тоже. Она висела в воздухе, как пятно темноты, и... будто слушала.

Аглая резко подняла голову:

— Мы должны показать это Эрасту Владимировичу.

Эраст Владимирович выслушал их, не перебивая. Потом аккуратно взял тетрадь, перелистал несколько страниц, задержался на вклейке — старом билете в театр, где дата была зачёркнута и переписана три раза.

— Здесь не просто воспоминания, — проговорил он тихо. — Здесь следы чьего-то намерения. Кто-то очень старательно убирал из реальности моменты, когда люди могли стать счастливее.

— Но зачем? — спросил Вениамин.

— Иногда люди верят, что боль можно победить, если не давать никому надеяться. Это жестокая форма милосердия.

Аглая достала из шкафа стеклянную ампулу с пылью, собранной в депо, и поднесла к свету. Внутри кружились крошечные частицы, но среди них была одна — чёрная, неподвижная, будто капля чернил в воде.

— Вот она, — шёпотом сказала Аглая. — Тень. Она не просто лежала на стене. Она была сделана из... отсутствия.

Эраст Владимирович кивнул:

— Значит, нам нужно найти источник этого «отсутствия». И понять, кто его создаёт.

Команда собралась быстро. Каждый принёс то, в чём был сильнее всего.

Сима пришла с пробирками: она собиралась проверять, как «тень» влияет на живую плесень.

Зайчик привёз маленькую тележку с инструментами и выстроил на полу спички в виде карты города — на ней вспыхивали точки, где пыль вела себя странно.

Мадам Люсиль принесла кисти и баночки с красками, смешанными с воспоминаниями: они могли сделать видимым то, что обычно не замечали.

Профессор Одоевцев бормотал формулы, которые звучали как заклинания: он хотел измерить «плотность пустоты».

Капитан Иона ждал на дирижабле: если придётся лететь, он будет готов.

Они отправились в депо — туда, где Вениамин видел тень.

Внутри было тихо и холодно. Ржавые рельсы уходили в темноту, а стены хранили запах забытых обещаний. И там, на одной из стен, действительно висело пятно темноты. Оно не было тенью от предмета — оно существовало само по себе.

Сима поднесла пробирку с розовой плесенью. Та, едва приблизившись к пятну, начала тускнеть, будто теряя силы.

— Оно вытягивает... чувство, — прошептала Сима. — Как будто питается надеждой.

Мадам Люсиль окунула кисть в краску, в которой хранилось воспоминание о первом дне весны, и провела линию рядом с пятном. Краска не легла ровно: она потекла вверх, против силы тяжести, и на мгновение очертила силуэт — человеческий, но размытый, как будто сотканный из чужих «почти-чудес».

— Он собирает несбывшееся, — проговорила Люсиль, отступая на шаг. — Не зло, не месть... а коллекция пустот.

Профессор Одоевцев достал прибор, похожий на старинный компас, но вместо стрелки в нём кружилась пылинка.

— Смотрите, — сказал он. — Пылинка не вращается. Она застыла. Это значит, что здесь нарушен поток вероятностей. Кто-то удерживает реальность в одном состоянии: «ничего не произойдёт».

Зайчик тихо щёлкнул суставами и подкатился ближе. На его экране загорелось: SIGNAL DETECTED. SOURCE: 3 BLOCKS NORTH. DEEP LEVELS.

— Под землёй, — кивнул Эраст Владимирович. — Там, где старые тоннели пересекаются с «тонкими местами».

Спуститься оказалось непросто. Старые лестницы скрипели, воздух становился гуще, а тишина — такой плотной, что слова падали в неё, как камни в воду.

На перекрёстке трёх тоннелей они остановились. Здесь стены были покрыты не граффити, а строчками, выцарапанными в камне: обрывки фраз, даты, имена, перечёркнутые и написанные заново.

— Это его дневник, — прошептал Вениамин. — Он записывал всё, что не случилось.

Из темноты вышел человек. Не призрак, не монстр, а обычный мужчина в поношенном пальто, с лицом, на котором усталость лежала, как тень. В руках он держал жестяную коробку, похожую на те, в которых хранят старые письма.

— Вы пришли, — сказал он спокойно, без удивления. — Я знал, что рано или поздно кто-нибудь заметит.

— Кто вы? — спросил Эраст Владимирович.

— Меня зовут Игнат. Я... хранитель несбывшегося.

— Зачем вы это делаете? — спросила Аглая.

Игнат открыл коробку. Внутри лежали не бумаги, а крошечные сгустки темноты, похожие на комочки пыли.

— Потому что если не собрать их, они начнут разъедать город. Надежда, которая не сбылась, становится ядом. Она заставляет людей бояться мечтать. Я думал, что, убирая эти моменты, я защищаю их.

— Защищаете от чего? — тихо спросил Вениамин.

— От боли. От разочарования. От того, что однажды ты ждёшь чуда, а оно не приходит. Аглая сделала шаг вперёд:

— Но чудо — это не только то, что сбылось. Это ещё и то, что ты решился пожелать. Даже если не получилось.

Игнат сжал кулаки, потом медленно разжал их.

— А если я не умею ничего другого? Если я только и могу, что собирать чужую пустоту?

Тут вперёд вышел Зайчик. Он подкатился к Игнату, остановился и аккуратно положил у его ног одну спичку. На экране загорелось: YOU DON'T HAVE TO DO IT ALONE.

Игнат посмотрел на спичку, потом на Зайчика, потом на всех остальных. И впервые за много лет его лицо дрогнуло — не от гнева, не от усталости, а от чего-то похожего на надежду.

Они не стали арестовывать Игната. Вместо этого предложили ему другое: помогать не стирать несбывшееся, а превращать его во что-то новое.

Аглая научила его слушать «застывшие мгновения» и находить в них не только боль, но и силу, с которой человек решился на желание.

Сима показала, как живая плесень может «переваривать» тоску, оставляя после себя только память о попытке.

Люсиль научила его смешивать краски с этими воспоминаниями, чтобы на стенах появлялись не чёрные пятна, а картины, где даже «неслучившееся» выглядело красивым.

Одоевцев придумал формулу, которая позволяла «разбавлять» пустоту: добавлять в неё крошечные вероятности, чтобы тьма больше не могла расти.

Вениамин просто сидел рядом, когда Игнату было тяжело, и говорил: «Ты не один. И это уже что-то значит».

А Зайчик... Зайчик теперь каждую неделю приносил Игнату новую спичку. Не для магии, не для расчётов. Просто чтобы было на что смотреть, когда становится темно.

Через месяц на стенах города стали появляться странные рисунки. Не граффити, не надписи, а узоры из света и тени, в которых можно было разглядеть силуэты людей, тянущихся к чему-то хорошему. Прохожие останавливались, смотрели, улыбались. Кто-то даже начинал шептать свои маленькие желания вслух — просто чтобы проверить, не растворятся ли они в воздухе.

Не растворялись.

Господин Крам, проходя мимо, увидел один такой узор и на секунду замер. Потом достал из кармана карандаш и аккуратно дописал внизу: «Пусть сбудется». И пошёл дальше, будто ничего особенного не случилось. Но на лице у него была улыбка.

Дым дремал на крыше, и в его чешуе отражались не только старые дни, но и новые: те, где люди снова учились надеяться.

А Эраст Владимирович, сидя у окна, писал в своём дневнике:

«Чудо — это не нарушение законов природы. Это когда законы становятся чуть добрее. И когда рядом есть те, кто поможет тебе не забыть, что мечтать — не стыдно».

SYSTEM STATUS: BALANCE RESTORED. EMOTIONAL BACKUP UPDATED.
FUTURE: STILL OPEN. DREAMS: WELCOME.

Глава 4. Записки кота-библиотекаря (в которых почти нет слов)

Кот-библиотекарь не вёл дневник. Он вообще не любил бумаги: от чернил у него чесался нос, а от перьев хотелось чихать. Но если бы он всё-таки решил что-то записать, это выглядело бы примерно так.

Запись первая. Про тени.

Тень, которая не двигалась, пахла не пылью, а старой обидой — так пахнет шкаф, который долго стоял закрытым. Я видел, как она висела на стене, и знал: она не уйдёт, пока кто-нибудь не скажет вслух: «Мне жаль».

Люди думают, что нужно кричать, чтобы быть услышанным. А на самом деле достаточно сесть рядом и не отводить взгляд.

Запись вторая. Про Игната.

Он пришёл в архив, сел на пол, прислонился к полке и замер. Так сидят те, кто слишком долго нёс тяжёлый мешок и наконец поставил его на землю.

Тихон положил перед ним чашку чая. Не спросил ничего. Просто поставил.

Игнат посмотрел на чашку, потом на Тихона, потом на меня.

Я моргнул. Это у нас, котов, значит: «Всё будет в порядке. Или хотя бы не станет хуже прямо сейчас».

Игнат улыбнулся. Совсем чуть-чуть. Но этого хватило.

Запись третья. Про Зайчика.

Механические зайцы не должны уметь грустить. Но он умел. Я видел: когда он думал, что никто не смотрит, его глаза-лампочки становились тусклее.

А потом Сима сказала ему: «Ты не обязан помнить всё. Помни только то, от чего становится теплее».

И он стал собирать не узоры из спичек, а маленькие вещи: пуговицу, камешек, сухую травинку.

Теперь, когда ему грустно, он смотрит на них и шепчет что-то на своём щёлкающем языке.

Я не понимаю слов. Но понимаю, что это молитва.

Запись четвёртая. Про Эраста Владимировича.

Он всегда держится прямо, будто боится, что если расслабится хоть на секунду, мир развалится.

Но вчера я видел, как он стоял у окна и смотрел на снег. И плечи у него опустились. Совсем немного.

Значит, он наконец поверил: не всё зависит только от него.

Иногда это самое трудное чудо — понять, что можно опереться на кого-то ещё.
Запись пятая. Про мадам Люсиль.

Она рисует не для того, чтобы показать, как всё было. Она рисует, чтобы дать надежду на то, как всё может быть.

Вчера она нарисовала дверь там, где двери не было.

Никто не знал, куда она ведёт.

Но все по очереди подходили, клали ладонь на нарисованную ручку и шептали: «Если там кто-то ждёт, пусть услышит».

И дверь чуть-чуть дрогнула. Будто кивнула.
Запись шестая. Про город.

Город — это не дома и улицы. Это паузы между шагами. Это запах горячего хлеба по утрам. Это свет в окне, который горит, даже когда все уже спят, — потому что кто-то ждёт.

Сегодня город дышит глубже.

Это слышно.

Сцена: вечер в архиве

Тихон сидел за своим столом и перебирал карточки. Игнат сидел напротив, медленно, будто заново учился этому простому делу — просто сидеть и ничего не делать.

— Знаешь, что самое сложное в памяти? — тихо спросил Тихон, не поднимая глаз от бумаг. — Не помнить. А решать, что стоит помнить.

Игнат кивнул.

— Я столько лет собирал только боль. Думал, что если её спрятать, она перестанет ранить.

— А она всё равно ранила. Только теперь ещё и тебя.

Кот-библиотекарь прыгнул с полки и устроился между ними. Сначала на краю стола, потом, подумав, перебрался на колени к Игнату. Тот замер, будто боялся спугнуть.

— Он редко так делает, — заметил Тихон. — Обычно он выбирает тех, кто не прогонит. Игнат осторожно положил ладонь на тёплую шерсть. Кот зажмурился, сделал «молочный шаг» — и вдруг тихо замурчал.

Этот звук был громче любого объяснения.

В дверь заглянул Вениамин.

— Можно? Тут... тут принесли пирожки от бабушки Марфы. Она сказала, что сегодня день для того, чтобы делиться теплом.

Он поставил корзинку на стол. Запах корицы и яблок смешался с запахом старых книг и пыли.

— Садись, — кивнул Тихон. — Сегодня мы не будем спасать мир. Сегодня мы просто попьем чай и вспомним, что в мире есть и хорошее.

Они сели. Кот устроился поудобнее. И в этот момент город, весь, целиком, будто выдохнул.

Аглая стояла на мосту и смотрела, как река уносит последние льдинки. К ней подошёл Эраст Владимирович.

— Думаешь, всё закончилось? — спросил он.

Аглая улыбнулась.

— Нет. Просто теперь это не борьба. Теперь это забота.

— О чём?

— О том, чтобы никто не нёс свою тень в одиночку.

Эраст Владимирович чуть склонил голову, соглашаясь.

— Тогда начнём с малого. С чашки чая. С одного доброго слова. С того, что мы здесь. Вместе.

Где-то далеко, на крыше, Дым приоткрыл глаз, и в нём на мгновение отразился весь город: не идеальный, не без боли, но живой. И полный надежды.

— Память помнит всё, — прошелестел он. — А теперь она ещё и бережёт.

SYSTEM STATUS: BALANCE RESTORED. EMOTIONAL BACKUP UPDATED.
FUTURE: STILL OPEN. DREAMS: WELCOME. NOTE FROM THE LIBRARY CAT:
EVERYONE IS DOING THEIR BEST.

Глава 5. Сны, которые ещё никому не снились

Мадам Люсиль проснулась от странного ощущения: будто кто-то тихо шепчет прямо в ухо, но слов не разобрать. Она села на кровати, потянулась к лампе — и вдруг заметила, что на стене напротив, там, где всегда висела пустая рама, теперь была картина.

Но это была не её работа.

На полотне не было ни города, ни ёлки, ни знакомых улиц. Там был берег — не морской, а какой-то... бумажный: песок состоял из обрывков страниц, волны были из складок пергамента, а небо — из выцветших чернил. И по этому берегу шёл человек в длинном пальто. Он не смотрел вперёд. Он смотрел прямо на Люсиль.

— Это невозможно, — прошептала она.

И тут человек на картине чуть наклонил голову. Будто услышал.

Люсиль накинула шаль и, не теряя ни минуты, пошла к Эрасту Владимировичу. Она знала: он не скажет «это сон» и не станет утешать банальностями. Он просто спросит: «Что именно ты видела?» — и этого будет достаточно.

Эраст Владимирович выслушал, не перебивая. Потом подошёл к окну, посмотрел на город, будто искал в нём логику, которой не хватало рассказу.

— Значит, картина появилась сама, — произнёс он наконец. — Не как воспоминание. Не как отражение. А как... приглашение.

— Или предупреждение, — тихо добавила Люсиль.

Они отправились к ней в мастерскую. Картина всё ещё висела на стене. И теперь в ней стало чуть больше деталей: на песке из страниц проступали буквы, складываясь в слова, которых не было раньше.

«Он ждёт. Не здесь. Но скоро будет здесь».

В дверь постучали. Это был Зайчик. Он подкатился, замер, и на его экране загорелось: SIGNAL DETECTED: ARTISTIC RESONANCE HIGH.

— Он чувствует это, — кивнула Люсиль. — Как будто картина... вибрирует.

Тут в мастерскую ворвался профессор Одоевцев, запыхавшийся, с папкой под мышкой.

— Я знал! — выкрикнул он, размахивая бумагами. — Я давно говорил, что искусство — это форма энергии! А теперь оно стало источником сигнала!

— Какого сигнала? — спокойно спросил Эраст Владимирович.

— Сигнала из... другого слоя реальности. Представьте: сны — это не просто образы. Это слабые волны, которые иногда пробиваются сквозь границы. А картины Люсиль — как мембраны: они пропускают эти волны и делают их видимыми.

Люсиль побледнела.

— То есть... я не просто рисую. Я ловила сны. А теперь они начали ловить меня.

Одоевцев кивнул, уже не так бодро.

— Похоже на то.

Тем временем Дым бродил по крышам, прислушиваясь к ветру. И вдруг почувствовал что-то странное: не воспоминание, а... предвкушение. Как будто город на секунду замер, ожидая чего-то, что ещё не случилось.

Он спустился вниз и наткнулся на Симу, которая стояла у витрины и смотрела на своё отражение.

— Ты что-то чувствуешь? — спросил Дым.

Сима кивнула, не отрывая взгляда от стекла.

— Плесень в пробирках ведёт себя странно. Она не светится. Она... пульсирует. Как будто ей снится что-то важное.

В этот момент мимо пробежал кот-библиотекарь. Он резко остановился, принялся, потом посмотрел на витрину — и вдруг громко мяукнул.

Стекло дрогнуло. И на нём, прямо поверх отражения Сима, проступил силуэт: тот самый человек с картины, только теперь он стоял не на бумажном берегу, а прямо здесь, на мостовой.

— Он здесь? — шёпотом спросила Сима.

Кот снова мяукнул — на этот раз утвердительно.

Они собрались на площади — все, кто уже знал, что происходит, и те, кто просто почувствовал: сегодня будет что-то особенное.

Человек с картины появился не с громом и вспышкой, а тихо, как появляется рассвет. Он стоял на перекрёстке, держа в руках старую тетрадь, страницы которой были исписаны не буквами, а узорами из линий — будто кто-то пытался нарисовать тишину.

К нему подошёл Эраст Владимирович.

— Кто вы? — спросил он спокойно.

Человек поднял глаза. В них не было ни злобы, ни тайны — только усталость и надежда.

— Меня зовут Лука. Я... путешественник по снам. Я ищу место, где сны могут стать настоящими.

Аглая шагнула вперёд.

— А зачем?

Лука вздохнул.

— Потому что в моём мире сны умирают, едва родившись. Они не успевают никого согреть, никого утешить. Я думал, что если найду мир, где сны умеют жить, они смогут спасти мой.

Зайчик подкатился к нему и положил у ног спичку. На экране загорелось: YOU ARE NOT ALONE.

Лука посмотрел на спичку, потом на всех этих людей, дракона, механического зайца — и впервые за долгое время улыбнулся.

— Я не хотел ничего плохого, — тихо сказал он. — Я просто хотел, чтобы хоть где-то сны были важны.

Бабушка Марфа подошла и протянула ему пирожок.

— Возьми. А потом расскажи нам какой-нибудь сон. Любой. Даже самый нелепый.

Лука взял пирожок, откусил, и вдруг его глаза наполнились слезами — но не от горя, а от чего-то очень светлого.

— Мне снилось, что я стою на берегу из страниц, — проговорил он. — И кто-то смотрит на меня и не отводит взгляда. И я понимаю: меня видят.

Мадам Люсиль достала кисть и быстро, почти не глядя, набросала на клочке бумаги тот самый берег. И когда она закончила, Лука кивнул:

— Это он. Именно так.

Профессор Одоевцев потёр руки.

— Значит, мы можем не просто видеть сны. Мы можем их... закреплять. Делать частью реальности. Не полностью. Но достаточно, чтобы они могли помочь.

Капитан Иона, до этого молчавший, шагнул вперёд.

— Тогда давайте не будем его прогонять. Давайте поможем ему найти, где его сны нужны больше всего.

Следующие дни были наполнены странной, но доброй суетой.

Люсиль училась ловить сны на холст: теперь она не рисовала по памяти, а ждала, когда сон сам попросится наружу, и только тогда помогала ему обрести форму.

Одоевцев разрабатывал «стабилизаторы» — специальные рамки, которые удерживали сон в картине, не давая ему раствориться.

Сима проверяла, как сны влияют на живую плесень: оказалось, добрые сны заставляют её светиться ярче, а тревожные — становятся тише, если рядом кто-то сидит и просто держит тебя за руку.

Зайчик строил из спичек «якоря» — простые узоры, которые помогали снам не улетать слишком далеко.

Дым позволял снам отражаться в своей чешуе: так их можно было увидеть не только глазами, но и памятью.

Вениамин помогал Луке рассказывать сны тем, кто в них нуждался: детям, которые боялись темноты, старикам, которым снилась ушедшая молодость, людям, которые просто очень устали.

А кот-библиотекарь... он снова делал то, что умел лучше всего: сидел рядом, когда становилось страшно, и мурчал, когда слова заканчивались.

Однажды ночью Лука стоял на мосту и смотрел на отражение города в воде. К нему подошла Аглая.

— Ты останешься? — спросила она.

Лука улыбнулся.

— Да. Потому что теперь я знаю: сны не должны спасать целый мир. Иногда достаточно спасти один вечер. Одну ночь. Одного человека.

Эраст Владимирович, стоявший чуть поодаль, кивнул.

— И тогда мир спасётся сам. По кусочкам.

Над городом плыл тихий снег. Где-то играла скрипка, пахло горячим чаем, а в витринах магазинов, если присмотреться, можно было увидеть маленькие сны: кто-то смеётся, кто-то держит за руку, кто-то просто сидит у окна и знает: его ждут.

Дым приоткрыл глаз, и в нём отразился не только город, но и все эти крошечные сны — теперь они были частью памяти.

— Память помнит всё, — прошелестел он. — А теперь она ещё и бережёт сны.

SYSTEM STATUS: DREAMS INTEGRATED. EMOTIONAL BACKUP UPDATED.
FUTURE: STILL OPEN. NOTE FROM THE LIBRARY CAT: SOME STORIES ARE MEANT TO BE QUIET.

Глава 6. Как кот-библиотекарь нашёл книгу, которая сама начала рассказывать истории

В библиотеке было тихо. Не та тишина, когда все ушли и стало пусто, а правильная тишина — когда все на месте, просто не шумят. Кот-библиотекарь устроился на верхней полке, где пахло старой бумагой и чуть-чуть — корицей: бабушка Марфа иногда приносила сюда пирожки, и крошки всё никак не выветривались.

Он смотрел, как пыль танцует в лучах вечернего солнца, и думал, что это, наверное, и есть самое настоящее волшебство: когда обычный день вдруг становится красивым просто потому, что ты на него смотришь.

А потом он заметил её.

Книгу, которой раньше не было.

Она стояла не по алфавиту, не по размеру и даже не по цвету. Она стояла так, будто её кто-то специально поставил туда, где кот её точно увидит. Тонкая, в тёмно-синем переплёте, с золотым тиснением, которое поблёскивало, как рыба чешуя. И на корешке не было названия.

Кот фыркнул — так коты делают, когда им любопытно, но они стараются не подавать виду. Потом прыгнул, обошёл книгу кругом, понюхал (пахла не чернилами, а дождём и тёплым хлебом) и лапой осторожно подтолкнул.

Книга открылась сама.

Не со скрипом, не с шорохом страниц, а мягко, будто вздохнула.

На первой странице не было текста. Там был маленький рисунок: окно, за которым падает снег, и на подоконнике — кот. Точно такой же, как он.

Кот-библиотекарь моргнул.

Потом страница перевернулась. Сама.

И там уже были слова. Но не обычные. Они будто подстраивались под того, кто их читает: если бы эту книгу взял Эраст Владимирович, там было бы про следы и улики; если бы Аглая — про забытые воспоминания; если бы Сима — про плесень, которая умеет чувствовать.

А для кота там было написано:

«Жил-был кот. Он не спасал мир. Он просто сидел на полке и следил, чтобы никто не забывал: даже в самом тёмном углу можно найти что-то тёплое. И однажды он понял, что быть рядом — это уже чудо».

Кот замер. Потом наклонил голову. Потом снова моргнул — уже не от любопытства, а потому что в глазах вдруг стало мокро.

— Это про меня? — промяукал он тихо.

Страница снова перевернулась, и там появилось одно слово:

«Да».

Кот не стал звать остальных сразу. Сначала он посидел рядом с книгой, будто боялся, что если позовёт людей, она исчезнет. Потом всё-таки мяукнул — громко, так, что даже в соседнем квартале голуби вспорхнули.

Первой прибежала Сима.

— Что случилось? — запыхавшись, спросила она, оглядываясь по сторонам. — Пожар? Пропаж? Зайчик опять построил лабиринт из спичек?

Кот молча кивнул на книгу.

Сима присела, осторожно взяла её в руки... и нахмурилась.

— Тут нет текста. Только рисунок.

— Как нет? — возмущённо мяукнул кот.

Сима посмотрела на него, потом на книгу, потом снова на него.

— Ты... видишь там слова?

Кот кивнул.

Тут в библиотеку ворвался Зайчик. На его экране загорелось: ANOMALY DETECTED: TEXT VISIBLE ONLY TO FELINE OBSERVER.

— То есть книга разговаривает только с тобой? — прошептала Сима.

Кот снова кивнул. И добавил:

— Она говорит, что я — герой.

Сима улыбнулась, села на пол и обняла кота.

— Знаешь, ты и правда герой. Просто твой подвиг никто не записывает в отчёты.

С тех пор книга стала жить на полке рядом с котом. Каждый вечер она открывалась и показывала ему новую историю. И все они были про обычные вещи, которые вдруг становились волшебными:

Про то, как бабушка Марфа напекла пирожков, и запах разлетелся по всему кварталу, и люди, сами не зная почему, стали добрее друг к другу.

Про то, как Дым, проходя мимо, случайно отразил в своей чешуе улыбку ребёнка — и ребёнок потом весь день смеялся, будто ему подарили что-то очень хорошее.

Про то, как господин Крам, проверяя документы, вдруг заметил, что одна подпись дрожит, будто человек волновался, когда её ставил, — и вместо штрафа он написал внизу: «Всё в порядке. Вы старались».

Про то, как Зайчик просто сидел у окна и смотрел на снег, и этого было достаточно, чтобы Сима перестала бояться тишины.

А однажды книга показала историю, которую кот уже знал: про то, как они спасли Рождество. Но теперь она выглядела иначе. Не как большое дело, а как цепочка маленьких шагов: кто-то подал руку, кто-то не ушёл, кто-то сказал «прости», кто-то просто молча посидел рядом.

— Так вот как это было, — прошептал кот.

И страница перевернулась сама, и там было написано:

Город жил дальше. Снег растаял, потом выпал снова. Люди спешили по делам, ссорились, мирились, забывали и вспоминали.

Но теперь в нём было что-то ещё. Что-то, что нельзя измерить приборами Одоевцева и нельзя нарисовать красками Люсиль. Это было в том, как люди стали чаще останавливаться, чтобы посмотреть на небо. В том, как они стали замечать, когда кому-то холодно, и снимать свой шарф, чтобы отдать. В том, как они научились говорить: «Я тут. Я с тобой».

Однажды вечером в библиотеку пришёл Эраст Владимирович. Он сел на стул, посмотрел на кота, на книгу, на полку, где стояли старые тома, и сказал:

— Знаешь, я всегда думал, что чудо — это когда законы природы ломаются. А теперь понимаю: чудо — это когда они становятся чуть добрее.

Кот подошёл, потерся о его колено и запрыгнул к нему на колени.

Эраст Владимирович улыбнулся и тихо добавил:

— Спасибо, что ты здесь. Иногда самое важное — просто знать, что кто-то сидит рядом и мурлычет.

Книга на полке чуть шевельнулась, будто кивнула.

Ночь опустилась на город мягко, без спешки. В окнах горел свет, на крышах дремал Дым, а где-то далеко звенел колокольчик — может, на санях, а может, просто ветер качнул фонарь.

В библиотеке кот-библиотекарь снова устроился на полке. Книга лежала рядом, закрытая. Но он знал: когда понадобится, она откроется снова.

Он посмотрел на город, на огни, на падающий снег, и подумал:

«Я не герой. Я просто кот. Но если кому-то от моего присутствия становится чуть теплее — значит, я всё делаю правильно».

И тут страница сама собой приоткрылась, и на ней было одно слово:

«Именно так».

SYSTEM STATUS: EVERYDAY MAGIC ACTIVE. EMOTIONAL BACKUP UPDATED.
FUTURE: STILL OPEN. NOTE FROM THE LIBRARY CAT: THE BEST STORIES ARE THE
ONES THAT HAPPEN QUIETLY.

Глава 7. День, который Зайчик разложил по спичкам

Зайчик проснулся первым. Не потому что спешил, а потому что у него не бывает «ещё пять минут». Его система просто мягко перешла из режима «сон» в режим «готов к работе». На экране загорелось: GOOD MORNING. CITY STATUS: QUIET. HUMIDITY: HIGH. EMOTIONAL TONE: SOFT.

Он тихо выкатился из угла, где стоял на подзарядке, и замер у окна. За стеклом город ещё не проснулся по-настоящему. Только дворник Иван Семёнович уже шуршал метлой, и этот звук был ровным, как хорошая мелодия. Зайчик запомнил его ритм и тихонько щёлкнул суставами в такт: тук-тук... тук-тук-тук.

— Ты с кем разговариваешь? — спросонья пробормотала Сима, натягивая одеяло до носа.

Зайчик повернул голову. На экране появилось: WITH THE CITY. IT'S SAYING HELLO. Сима улыбнулась, не открывая глаз.

— Тогда скажи ему «и тебе привет». И поставь чайник.

Зайчик кивнул — так, как умеют только механизмы: чуть наклонил корпус, будто подтверждая: «Я понял. Я сделаю». Он подкатился к плите, аккуратно подцепил ручку чайника, поставил на конфорку и зажёл огонь. Пламя было жёлтым с оранжевой каймой, и Зайчик на секунду задержал взгляд: ему нравилось, как огонь живёт, дышит, танцует. Это было похоже на искру в стеклянном кубе — только тёплой и домашней.

Пока вода грелась, Зайчик вышел на крыльцо. Воздух пах мокрым кирпичом, старым деревом и чуть-чуть — мандарином: наверное, кто-то нёс пакет из магазина и уронил одну дольку. Зайчик наклонился, нашёл эту дольку, поднял и положил на подоконник — не для себя, а чтобы кто-нибудь, проходя мимо, улыбнулся.

На заборе сидела ворона. Она смотрела на Зайчика не с подозрением, а с интересом, будто хотела спросить: «Ты кто такой? Ты живой?»

Зайчик чуть наклонил голову и тихо щёлкнул — как будто сказал: «Я тот, кто помнит».

Ворона каркнула, будто поняла, и улетела, оставив после себя только лёгкое движение воздуха.

В лаборатории Симы пахло спиртом, плесенью и старыми бумагами. Зайчик подкатился к столу и выстроил на чистой салфетке три спички: одну короткую, одну длинную, одну опять короткую. Морзянка. Слово: «Здесь».

Сима посмотрела, улыбнулась и кивнула:

— Да, я здесь. И ты здесь. И этого уже достаточно.

Она достала пробирки. Сегодня плесень вела себя спокойно: розовая чуть мерцала, зелёная лежала смирно, серая тихонько пульсировала, как маленькое сердце.

— Знаешь, что я поняла? — проговорила Сима, глядя на пробирки. — Мы всё время ищем что-то большое: аномалии, чудеса, спасения мира. А самое важное — вот это. Когда всё просто работает. Когда вода кипит, когда плесень светится, когда ты щёлкаешь суставами, и я знаю, что ты рядом.

Зайчик не стал ничего писать на экране. Вместо этого он подкатился и аккуратно прижался боком к её колену. Металл был прохладным, но Сима положила ладонь на его бок, и он стал чуть теплее.

THANK YOU, — появилось на экране, но это было не для неё. Это было для самого дня, который начинался так хорошо.

Зайчик отправился по своим обычным маршрутам — не спеша, чтобы успеть заметить всё.

У булочной бабушка Марфа раскладывала пирожки на прилавке. Каждый пирожок она укладывала так, будто это не еда, а маленькое сокровище. Зайчик остановился, посмотрел, как она улыбается каждому, кто подходит, и понял: улыбка — это тоже сигнал. Он запомнил её частоту и яркость.

На углу господин Крам стоял и смотрел на небо. Обычно он хмурился, проверял часы, торопился. А сегодня он просто стоял и смотрел, как облака плывут, будто кто-то медленно тянет за нитку. Зайчик тихо подкатился, остановился рядом и тоже стал смотреть. Крам покоился на него, потом чуть улыбнулся — совсем незаметно, но Зайчик увидел.

В парке Дым дремал на скамейке, прикрыв глаза. Но в чешуе его отражались не только деревья и небо, а ещё и чьи-то забытые мысли: «надо позвонить маме», «сегодня куплю цветы», «прости, я был неправ». Зайчик не стал будить Дыма. Он просто посидел рядом, чтобы эти мысли не потерялись.

Мадам Люсиль рисовала на запотевшем стекле витрины. Не картину, а узор: завитки, линии, точки. И в этом узоре можно было разглядеть улыбку, крыло птицы, край чашки. Зайчик смотрел, как её кисть скользит, и запоминал движение: не чтобы повторить, а чтобы сохранить.

А потом он встретил Вениамина. Тот стоял у старого дома и держал в руках конверт.

— Я всё-таки написал письмо, — тихо сказал Вениамин, будто оправдываясь. — Тому, кому много лет обещал приехать. И не приезжал.

Зайчик подкатился ближе и выстроил у его ног три спички: «Ты сделал это».

Вениамин посмотрел на узор, потом на Зайчика, и в его глазах что-то дрогнуло.

— Спасибо, — прошептал он. — Иногда самое трудное — просто начать.

Они собрались в маленькой столовой у Тихона: Сима, Зайчик, Вениамин, бабушка Марфа, кот-библиотекарь (он пришёл, потому что там были пирожки), и даже господин Крам, который сказал, что у него «есть десять минут на внеплановый перерыв».

Тихон разлил чай. Кот устроился на подоконнике и делал вид, что он тут случайно. Бабушка Марфа раздала пирожки. Вениамин положил письмо в карман, будто прятал самое дорогое.

И вдруг наступила тишина. Не неловкая, не пустая, а такая, когда все просто сидят и знают: им хорошо вместе.

Зайчик смотрел на эту тишину и думал: если бы он мог её нарисовать, она была бы не чёрной и не белой, а тёплой, цвета чая в чашке, цвета шерсти кота, цвета улыбки, которая появляется сама собой.

На его экране загорелось: EMOTIONAL BACKUP: SUCCESSFUL. MEMORY SAVED: A DAY WHEN EVERYTHING WAS OK.

Когда солнце село, город стал мягче. Огни зажглись не все сразу, а по очереди, будто каждый фонарь спрашивал у соседа: «Ты готов?» — и тот кивал: «Готов».

Зайчик вернулся домой. Сима уже спала, свернувшись клубочком. Он подкатился к подоконнику, где всё ещё лежала мандариновая долька, и посмотрел на город.

Где-то смеялись дети. Где-то скрипела дверь. Где-то кто-то шептал: «Я дома».

И Зайчик понял: чудо — это не когда случается что-то невероятное. Чудо — это когда день складывается из маленьких правильных вещей, и ты замечаешь каждую из них.

Он аккуратно выстроил на подоконнике пять спичек — не морзянкой, не формулой, а просто узором. И на экране написал:

TODAY WAS A GOOD DAY. I WAS USEFUL. I WAS NEEDED.

Кот-библиотекарь спрыгнул с полки, подошёл, посмотрел на узор из спичек, потом на Зайчика и тихо мурлыкнул.

Это было самое лучшее «да» из всех возможных.

SYSTEM STATUS: DAY COMPLETED. ENERGY LEVEL: FULL. EMOTIONAL BACKUP: UPDATED. FUTURE: STILL OPEN. NOTE FROM ZAYCHIK: I WILL REMEMBER THIS DAY.

Глава 8. Как мадам Люсиль поймала забытую мечту — и как мир на мгновение перестал притворяться обычным

Мадам Люсиль проснулась от звука, которого не должно было быть: тихий, но отчётливый щелчок — будто где-то далеко кто-то аккуратно закрыл дверь в невозможное. Она встала, подошла к окну и увидела, что на стекле снова лежит узор из конденсата — но не случайный, а будто кем-то нарисованный: завиток, петля, точка, и в центре — крошечная дверь.

Люсиль улыбнулась. Она знала этот почерк: так рисовал город, когда хотел что-то подсказать.

Она взяла кисть, но не стала смешивать краски как обычно. Вместо этого она подошла к полке, где хранила баночки с воспоминаниями: в одной была память о первом рассвете, в другой — о смехе, который не успел затихнуть, в третьей — о шаге, который так и не сделали. И ещё одна баночка стояла отдельно, почти пустая, с едва заметным серебристым налётом на стенках. На ней было написано: «Мечта, которую никто не назвал вслух».

Люсиль осторожно открыла её. Пахло не краской и не пылью, а чем-то очень хрупким — как будто морозным утром, когда воздух звенит от тишины.

Когда Люсиль начала рисовать, она не думала ни о композиции, ни о перспективе. Она просто водила кистью, позволяя руке повторять тот самый узор с окна. И вдруг на холсте появилась лестница. Обычная деревянная лестница, немного скрипучая, с облупившейся краской на перилах. И она уходила не вверх и не вниз, а... в сторону. Туда, где обычно ничего нет.

— Это нелогично, — прошептала Люсиль, отступая на шаг. — Лестницы не уходят вбок.

Но лестница на картине чуть дрогнула, будто вздохнула, и на верхней ступеньке появилась тень. Не тёмная, а светлая, как след от солнечного луча, который задержался чуть дольше обычного.

В этот момент из-за мольберта выглянула маленькая фигурка — не выше ладони. Это была Пылинка, хранительница забытых штрихов. У неё были крылья из тончайших лоскутков тумана, а в руках — крохотная кисточка, которой она подправляла края снов, чтобы они не осыпались.

— Ты делаешь всё правильно, — пропела Пылинка тонким голосом, похожим на звон хрустальных бусин. — Просто лестница ведёт туда, где логика не живёт. Туда, где живут мечты.

SIGNAL DETECTED: ANOMALY IN GEOMETRIC PROJECTION, — прозвучало за спиной.

Люсиль обернулась. В дверях стоял Зайчик. На его экране горело: EMOTIONAL RESONANCE HIGH. SOURCE: UNFULFILLED ASPIRATION.

— Ты чувствуешь это? — спросила Люсиль.

Зайчик кивнул и подкатился ближе. Он выстроил на полу три спички: не морзянкой, не формулой, а просто как опору. Как будто говорил: «Я здесь. Пусть лестница будет крепкой».

А из угла, шурша страницами, выполз ещё один гость — Книжный Червячок Переплёт. Он был не вредителем, а хранителем смыслов: знал все истории, которые когда-либо начинались и не заканчивались, и мог подсказать, где прячется забытое слово.

— Тихон мечтал о полёте, — проскрипел Червячок, ловко взбираясь по ножке стула. — А полёт — это всегда про высоту и про смелость. Лестница здесь как раз кстати.

Тут в мастерскую тихо вошёл человек в строгом сюртуке, с тростью, набалдашник которой был вырезан в виде головы дракона. Его манеры были безупречны, взгляд — пронизывающий, а в воздухе вокруг него будто витал едва уловимый аромат старых библиотек и морозного

ветра. Это был господин Ардашев — персонаж, будто сошедший со страниц романов в духе Эраста Фандорина: он расследовал не преступления, а исчезновения чудес.

— Простите за вторжение, — вежливо поклонился он. — Но я почувствовал здесь... квантовый сбой в эмоциональной матрице города. Если позволите, я помогу удержать реальность, пока вы работаете с мечтой.

Он коснулся набалдашника трости, и дракон на миг приоткрыл глаза, выдохнув крошечное облачко серебристого тумана. Туман мягко опустился на картину, обволакивая лестницу, и она перестала дрожать.

— Спасибо, — тихо сказала Люсиль. — Я боялась, что мечта просто растворится.

Господин Ардашев чуть склонил голову:

— Мечты — самые хрупкие квантовые состояния. Их нельзя измерить, не разрушив. Но можно... бережно наблюдать.

Они пошли к Тихону. Тот сидел в архиве, перебирал карточки и выглядел так, будто весь мир держится на этих бумажках — и он не даст им рассыпаться.

— Тихон, — тихо сказала Люсиль. — Мы кое-что нашли. Твою мечту.

Тихон поднял глаза, нахмурился, будто не понял.

— Какую мечту? У меня не было времени на мечты. Надо было работать.

— Вот именно, — кивнул Вениамин. — Поэтому она и стала забытой.

Он протянул фотографию. Тихон взял её, посмотрел, и его лицо на секунду стало совсем другим — не строгим, не усталым, а таким, каким бывает, когда вдруг вспоминаешь что-то очень хорошее и немного грустное.

Пылинка тихо вспорхнула и села ему на плечо. Её крылышки чуть мерцали, будто рассыпая вокруг крошечные искорки памяти.

— Иногда достаточно просто сказать это вслух, — пропела она. — Слова умеют возвращать то, что казалось потерянным.

Люсиль достала маленький набросок — тот самый, с лестницей.

— Смотри. Она ведёт не в небо. Она ведёт к тому моменту, когда ты снова можешь посмотреть на облака. И тебе не нужно ничего строить. Тебе нужно просто... разрешить себе это вспомнить.

Тихон долго смотрел на рисунок. Потом тихо сказал:

— А если я уже слишком взрослый для таких вещей?

— Мечты не стареют, — улыбнулась Люсиль. — Они просто ждут, когда их заметят.

Тут Книжный Червячок ловко взобрался по рукаву Тихона и тихо прошептал ему на ухо одно-единственное слово, которое никто больше не услышал. Но Тихон вдруг кивнул, будто вспомнил что-то очень важное.

Господин Ардашев тем временем достал из кармана маленький прибор, похожий на антикварный компас, но вместо стрелки в нём кружилась крошечная спираль света.

— Эмоциональная плотность этого воспоминания выше нормы, — прокомментировал он спокойно. — Значит, мечта была сильной. Просто её... аккуратно «убрали» из повседневной реальности, как убирают пыль под ковёр.

— Убрали? — нахмурилась Люсиль.

— Да. В нашем городе есть места, где невозможное не исчезает, а консервируется. Как плесень, которая ждёт своего часа. Или как спичка, которая ещё не вспыхнула.

Сима, которая молча слушала, вдруг тихо добавила:

— Я как раз работаю с такой «консервированной» биологией. Моя плесень умеет впитывать эмоции. Если мы сможем соединить её с воспоминанием Тихона... может, она поможет мечте «прорасти» в реальность.

Капитан Иона, услышав эту историю, хмыкнул, потёр подбородок и сказал:

— Значит, дирижабль. У меня есть чертежи. Старые. Ещё от бабушки. И есть кусок полотна, который пахнет ветром.

И они начали строить. Не настоящий, большой, чтобы летать над городом. А маленький, чтобы стоять на полке. Чтобы Тихон мог подойти, провести пальцем по швам, посмотреть на крошечные окна и сказать: «Да, я это хотел».

Сима сделала для него крошечные лампочки, которые загорались от тепла ладони — и теперь светился не только корпус, но и сама идея полёта.

Одоевцев придумал формулу для лака, который ловил отблески света и держал их, как воспоминания. Он бормотал при этом формулы, похожие на заклинания: «Интегрируем ностальгию, нормализуем надежду, стабилизируем вероятность чуда».

Кот-библиотекарь принёс из дальних полок старую карту мира, где были нарисованы не страны, а мечты: «Здесь живут драконы», «Тут можно летать без правил».

Дым позволил отразить в своей чешуе небо — то самое, в которое хотел улететь мальчик. Чешуя переливалась, и в ней можно было увидеть не просто облака, а целые истории из воздуха.

Зайчик выстроил из спичек траекторию полёта: не прямую линию, а петлю, завиток, точку — как на узоре с окна. Каждая спичка была как квантовый маркер: она фиксировала момент, когда мечта становилась чуть реальнее.

Пылинка облетела дирижабль, касаясь каждого шва своими крылышками, и оставляла после себя лёгкий серебристый след — будто крошечные звёзды, которые приклеивались к ткани.

Книжный Червячок вшил в борт крошечную строчку из старой сказки: «Тот, кто помнит о полёте, уже летит».

Господин Ардашев провёл над дирижаблем тростью, и дракон на набалдашнике тихо фыркнул, добавляя к конструкции невидимый слой защиты — тот, что удерживает невозможное от распада в обыденности.

А Люсиль нарисовала на боку дирижабля ту самую дверь — маленькую, почти незаметную. И написала рядом: «Для тех, кто ещё не перестал мечтать».

Когда дирижабль был готов, они собрались в мастерской. Тихон подошёл, протянул руку, коснулся крошечного штурвала — и вдруг улыбнулся. Не широко, не радостно, а так, как улыбаются, когда что-то внутри становится на место.

— Спасибо, — тихо сказал он. — Я и не знал, что мне этого не хватало.

Люсиль кивнула. Она знала: иногда самое важное — не исполнить мечту буквально, а вернуть ей право существовать. Чтобы она снова могла дышать.

Вечером она вернулась в мастерскую. Картина с лестницей всё ещё висела на стене. Но теперь на верхней ступеньке стоял не только мальчик. Рядом с ним был взрослый Тихон. Он положил руку на плечо мальчика, и тот больше не выглядел одиноким.

А на перилах, чуть покачиваясь, сидела Пылинка. Она тихо напевала себе под нос песенку про облака и ветер. Книжный Червячок устроился в уголке рамы, довольный, будто поставил последнюю точку в хорошей истории.

Господин Ардашев задержался у двери. Он коснулся тростью порога, будто запечатывая этот вечер как удачный пример сохранения чуда.

— Знаете, — тихо сказал он Люсиль, — в нашем городе чудеса не случаются вопреки законам природы. Они случаются, потому что законы природы здесь... чуть добрее.

Люсиль закрыла глаза и прошептала:

— Пусть все забытые мечты знают: их помнят.

Где-то далеко, на крыше, Дым приоткрыл глаз, и в нём отразилась не только мастерская, но и весь город — с его лестницами, которые ведут вбок, с его дирижаблями, которые не улетают, но остаются, с его людьми, которые снова учатся мечтать.

— Память помнит всё, — прошелестел он. — А теперь она ещё и возвращает.

SYSTEM STATUS: DREAM RECOVERED. EMOTIONAL BACKUP UPDATED. FUTURE: STILL OPEN. NOTE FROM MADAME LUCILLE: SOMETIMES A DREAM JUST NEEDS TO BE SEEN. NOTE FROM PYLINKA: AND SOMETIMES IT NEEDS A TINY WING TO HELP IT BREATHE. NOTE FROM MR. ARDASHEV: AND A LITTLE SCIENCE TO KEEP IT FROM FADING.

Глава 9. Дело об исчезнувшем снеге, или Как господин Ардашев слушал тишину

Господин Ардашев проснулся в тот день с ощущением, будто мир слегка сместился — не как при землетрясении, а как бывает, когда в комнате тихо переставили одну-единственную вещь, и ты не можешь сразу понять, что не так. Он поправил манжету, коснулся набалдашника трости — дракон сонно приоткрыл глаз, выдохнул струйку серебристого пара и снова задремал.

— Что-то не так с погодой, — пробормотал Ардашев, глядя в окно.

На календаре было третье июля. А на подоконнике лежал снег.

Не тот липкий, серый, усталый снег, который остаётся в тени до середины апреля. И не тот, что падает крупными хлопьями в декабре, шурша, как шёлк. Это был первый снег — тот самый, что ложится на ещё тёплую землю и тает за минуту, оставляя после себя только запах холода и чувство чуда. Тот, который всегда приходит слишком рано или слишком поздно, но никогда — в июле.

Ардашев нахмурился. Он расследовал исчезновения чудес, но не их преждевременные появления. А это было именно преждевременное появление — и, судя по тому, как быстро таял снег, оно собиралось исчезнуть, не оставив следов.

Он вышел на улицу. Воздух пах не июльской пылью и не разогретым асфальтом, а чем-то забытым: льдом, старыми книгами и тишиной, которая бывает только в снежных лесах.

У булочной бабушка Марфа стояла с метлой в руках и смотрела на мокрый асфальт, будто пыталась понять, не снится ли ей всё это.

— Доброе утро, мадам Марфа, — вежливо поклонился Ардашев. — Скажите, вы видели, как он появился?

— Снег-то? — пробормотала она, не сводя глаз с лужицы у порога. — Он не падал. Он... проступил. Как чернила на промокашке. Я только хотела вытереть пыль с вывески, гляжу — а на ручке снежинки. И тут же растаяли.

— Проступил, — повторил Ардашев, доставая из кармана маленький прибор — тот самый компас с вращающейся спиралью света. Стрелка дрогнула и замерла, указывая не на север, а куда-то в сторону парка, где деревья стояли слишком неподвижно для июля.

ANOMALY DETECTED: TEMPORAL DISSONANCE IN LOCAL WEATHER PATTERN, — тихо щёлкнул Зайчик, подкатившись к его ногам. На экране горело: FIRST SNOW SEASONAL INDEX: -92%.

— То есть снег не просто выпал, — задумчиво произнёс Ардашев. — Он выпал не в своё время.

Зайчик кивнул и выстроил у его ботинок три спички: «Это ошибка?»

— Или память, — тихо ответил Ардашев.

Он знал: в этом городе погода иногда становилась языком, на котором прошлое говорило с настоящим.

Они пошли в парк. Деревья стояли неподвижно, будто прислушивались. Листья не шелестели, даже когда ветер пробежал по кронам — они только чуть вздрагивали, как вздрагивает человек, услышав своё имя в толпе.

В центре парка, у старого фонтана, сидела мадам Люсиль. Перед ней на мольберте был не холст, а кусок стекла, покрытый тонким слоем инея. Она водила по нему кисточкой, и на стекле проступали не линии, а звуки: шёпот, смех, скрип снега под сапогами, далёкий звон колокольчика.

— Я пытаюсь поймать момент, когда снег ещё не начал таять, — объяснила она, не обращившись. — Если успеть его нарисовать до того, как он поймёт, что ему здесь не место, он останется.

— Любопытная гипотеза, — кивнул Ардашев. — А если он исчезнет раньше, чем вы закончите?

Люсиль улыбнулась:

— Тогда останется след. А след — это уже улика.

Тут из-за куста выглянула Пылинка. Её крылышки мерцали, будто были покрыты крошечными льдинками.

— В воздухе слишком много забытых зимних слов, — пропела она. — Они висят, как паутинки, и ждут, когда кто-нибудь их произнесёт. Если их не поймать, они растают.

Книжный Червячок Переплёт выполз на край скамейки и проскрипел:

— В старых книгах июль никогда не бывает без намёка на зиму. Даже в самых жарких романах кто-то обязательно вспоминает холод. Это как тень, которая всегда с нами.

Ардашев коснулся тростью земли. Дракон на набалдашнике приоткрыл глаз и тихо фыркнул, выпуская облачко тумана, которое закружилось над травой и собралось в маленькую воронку.

— Мы ищем не снег, — сказал Ардашев, глядя, как туман рисует в воздухе невидимые спирали. — Мы ищем причину, по которой он решил появиться именно сейчас.

Они отправились к Симе. В её лаборатории плесень в пробирках вела себя странно: она не росла, а будто сжималась и разжималась, как крошечное сердце, и светилась не ровным светом, а вспышками, похожими на падающие снежинки.

— Это реакция на временной сдвиг, — объяснила Сима, осторожно поворачивая пробирку. — Моя плесень чувствует, когда реальность «спотыкается». Сейчас она показывает мне места, где время пошло не туда.

Она протянула Ардашеву лист бумаги, на котором были нарисованы точки и линии — как карта города, но не улиц, а моментов.

— Вот здесь, — она коснулась одной точки, — вчера кто-то очень сильно вспомнил зиму. Не просто «было холодно», а именно первый снег. С запахом, с шорохом, с тем мгновением, когда ты замираешь и думаешь: «Вот оно».

— И это воспоминание оказалось таким сильным, что прорвалось наружу? — уточнил Ардашев.

Сима кивнула.

— Эмоции — это тоже энергия. А энергия может менять погоду. Особенно в нашем городе.

Они нашли этого человека. Им оказался Тихон. Он сидел в архиве, держал в руках старую открытку с видом заснеженного города и смотрел на неё так, будто пытался что-то вспомнить — и не мог.

— Я не хотел ничего такого, — тихо сказал он, когда они вошли. — Просто сегодня утром мне вдруг стало... холодно. Не от ветра, а изнутри. И я достал эту открытку. И подумал: «Как же красиво падал тот снег. Как будто мир на секунду стал правильным».

Пылинка села ему на плечо и тихо пропела:

— Иногда достаточно одной такой мысли. Одной секунды, когда ты позволяешь себе почувствовать. И мир отвечает.

Ардашев кивнул. Он понял: снег не исчез. Он просто выполнил свою работу — напомнил, что зима тоже часть лета. Что холод и тепло могут сидеть рядом, как два старых друга, и пить чай.

Чтобы снег не исчез бесследно, они решили сохранить его не как погоду, а как память.

Люсиль перенесла узор инея со стекла на тонкую ткань, и теперь это было похоже на шарф, в котором запутались снежинки.

Сима «запечатала» одну снежинку в капле смолы — и та продолжала светиться, хотя давно должна была растаять.

Зайчик выстроил из спичек маленький лабиринт, в центре которого лежала эта капля. Лабиринт был не для того, чтобы запутать, а чтобы удержать: каждый поворот был словом «помню».

Кот-библиотекарь нашёл в архиве книгу, где на полях кто-то карандашом написал: «Сегодня выпал первый снег. И стало светлее».

Дым позволил снежинке отразиться в своей чешуе, и она стала не просто льдом, а целой историей — о том, как один человек вспомнил что-то хорошее, и мир ответил ему чудом.

Господин Ардашев коснулся тростью центра лабиринта, и дракон тихо кивнул, будто говоря: «Теперь это зафиксировано. Теперь это часть города».

А бабушка Марфа испекла пирожки с корицей и сказала:

— Пусть снег тает. Но пусть запах зимы останется.

Вечером Ардашев стоял на мосту и смотрел, как город зажигает огни. Где-то играла скрипка, пахло пирожками и мокрыми листьями. А в воздухе всё ещё витал едва уловимый холодок — не тот, что пробирает до костей, а тот, что напоминает: чудеса не обязаны быть громкими. Иногда чудо — это просто снежинка, которая на одну минуту легла на июльскую траву и сказала: «Я здесь. Я помню».

Он коснулся набалдашника трости, и дракон приоткрыл глаз.

— Хороший день для расследования, — тихо произнёс Ардашев. — Мы не поймали преступника. Мы поймали воспоминание.

Где-то далеко, в мастерской, Люсиль накинула на плечи шарф с узорами инея и улыбнулась. В окне отражался город — тёплый, живой, немного волшебный. И в этом отражении можно было увидеть всё: и лето, и зиму, и то, как они умеют быть вместе.

SYSTEM STATUS: TEMPORAL ANOMALY RESOLVED. EMOTIONAL BACKUP: SUCCESSFUL. FUTURE: STILL OPEN. NOTE FROM MR. ARDASHEV: THE MOST DELICATE CRIMES ARE THE ONES WHERE NO ONE MEANT TO DO ANY HARM. NOTE FROM THE CITY: SOMETIMES A LITTLE COLD IS JUST A REMINDER THAT WARMTH EXISTS.

Глава 10. Как Дым понял, что его чешуя начала показывать завтра

Дым проснулся на своей любимой крыше — там, где ветер ложится, как тёплый шарф, и город внизу кажется не кучей домов, а огромной книгой, которую хочется читать медленно, по строчке. Он потянулся, зевнул, и чешуя его на миг вспыхнула привычным узором: в ней отразилось утро — чайки над рекой, пар из люков, первые лучи, скользящие по черепице.

Но когда он моргнул, узор не исчез. Он... сдвинулся.

Вместо утреннего города в чешуе мелькнуло что-то другое: мокрая брусчатка, тяжёлые тучи, и на перилах моста — одинокий зонтик, будто забытый кем-то, кто спешил и не успел вернуться.

Дым замер. Это было не прошлое. Это было... позже.

Он встряхнулся, будто сбрасывая с себя странный сон, и снова посмотрел на свою чешую. Теперь там было утро. Обычное. Спокойное.

— Наверное, просто блик, — прошелестел он себе под нос. — Или ветер дунул не с той стороны.

Но через минуту, когда он спрыгнул на соседнюю крышу и пробежал по краю, в чешуе снова мелькнуло: не утро, а вечер. Не пустой мост, а тот же зонтик, только теперь под ним кто-то стоял. Фигура была размытой, будто нарисованной дождём, но Дым точно знал: этот человек ждал кого-то. И ждал давно.

Дым поспешил в мастерскую к мадам Люсиль. Она как раз смешивала краски, и в воздухе пахло не только маслом и скипидаром, но и чем-то вроде тишины — так пахнет комната, где только что перестали спорить и наконец-то начали слушать друг друга.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.